Н 259/391

А 239
391

Н. О. Осиповъ.

О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА ВЛІЯНІЯ ДУХОВЕНСТВА НА НАРОДЪ.

(Читано въ собраніи столичныхъ проповѣдниковъ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1900.

А 239
391

Н. С. Осиповъ.

О ПРИЧИНАХЪ УПАДКА ВЛІЯНІЯ ДУХОВЕНСТВА НА НАРОДЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Главнаго Управленія Удѣловъ, Моховая, 40.
1900.

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 28 февраля 1900 г.

Старшій Цензоръ, Архимандритъ *Владиміръ*.

2007050131

О причинахъ упадка вліянія духовенства на народъ.

I.

Русское духовенство имѣло огромное значеніе въ исторіи своего народа. Значеніе это, однако, далеко не исчерпывается тѣми внѣшними и для всѣхъ извѣстными событіями, въ которыхъ духовенство играло выдающуюся историческую роль, какъ напр. въ эпоху смутнаго времени. Воинское мужество монаховъ и религіозно-патріотическій энтузіазмъ всего духовенства подняли народный духъ и спасли Россію какъ отъ нашествія иноплеменниковъ, такъ и отъ внутреннихъ смутъ. Эта незабвенная заслуга русскаго духовенства одна была бы способна заставить забыть многіе его недостатки, но истинное значеніе этого сословія заключается всетаки не въ героическихъ его подвигахъ, а въ той медленной, почти незамѣтной его работѣ надъ самосознаніемъ и характеромъ русскаго народа, которая, кажется, до сихъ поръ еще не оцѣнена должнымъ образомъ.

На огромномъ пространствѣ Европейской Россіи разбросано было племя, разрозненное вѣчными усобицами своихъ князей и мало цѣнившее свое національное единство. «Россіи» еще не было. Прежде чѣмъ московскіе князья, а потомъ цари, начали стягивать подъ свой скипетръ отдѣльныя княжества и земли, населеніе должно было объединиться въ какомъ нибудь

чувствѣ, общемъ для всѣхъ и каждаго. Ни языкъ, ни общность нравовъ и привычекъ, ни сознаніе единаго происхожденія не были силами, достаточными даже въ общей своей сложности для объединенія огромной страны. Этой силой явилась религія; она слилась со всѣмъ существомъ народа, въ высшей степени соотвѣтствовала его незлобивому, непритязательному характеру, и стала тѣмъ знаменемъ, подъ которымъ задолго еще до московскихъ князей и царей всѣ русскіе люди почувствовали себя другъ другу братьями. Греческая вѣра вошла въ сердце народа и стала русской вѣрой.

Эта русская вѣра, доступная по своей простотѣ для всякаго пониманія, сдѣлалась для всего народа такой драгоцѣнностью, съ которой онъ никогда и низачто не разставался. И это не потому, чтобы онъ зналъ ея догматическое или философское превосходство надъ другими вѣроученіями, но главнымъ образомъ потому, что вполнѣ осмысливая ему жизнь и давая отвѣты на всѣ вопросы ума и сердца, она вмѣстѣ съ тѣмъ помогала переносить всѣ бѣдствія жизни и придавала чистоту всѣмъ ея радостямъ. Православная церковь, не отвергая радостей земной жизни и стремясь ихъ возвысить и облагородить, вмѣстѣ съ тѣмъ не перестаетъ указывать своимъ сынамъ на все превосходство духа надъ плотью и побуждаетъ каждаго, по мѣрѣ его силъ, отдаваться во власть духовной жизни и предпочитать ее радостямъ плоти. Эта духовная жизнь не требуетъ какого-либо особаго умственнаго развитія, достигаемаго путемъ долгой и по тому самому для огромнаго большинства всегда недоступной школы; требованія церкви исчерпываются двумя основными заповѣдями Христа—возлюби Господа Бога больше всего и ближняго—какъ самого себя. И требованія эти понимаются не въ какомъ нибудь отвлеченномъ, мало доступномъ обыкновеному пониманію смыслѣ: первая заповѣдь говоритъ о томъ, чтобы человѣкъ всегда и

вездѣ чтилъ въ себѣ образъ и подобіе Божіе, отдавалъ предпочтеніе хорошимъ побужденіямъ предъ дурными, блага духовныя цѣнилъ выше всѣхъ матеріальныхъ благъ. Столь же проста и вторая заповѣдь. И за эту чистую жизнь Церковь обѣщаетъ всякому величайшее благо въ жизни — спокойную совѣсть и чувство близости къ непостижимому Творцу міра. Райское блаженство въ этомъ только и состоитъ. Человѣкъ—ничтожная тварь, тѣлесно подобная всей прочей твари земной—не затерывается въ безграничности пространства и безконечности времени; есть Богъ, Который любитъ Свое твореніе, Который далъ этому творенію душу, способную Его постигать и дѣлаться Ему жизненно близкимъ хотя бы въ одномъ только сознаніи. Давъ душу, Господь обязалъ человѣка быть добрымъ; и какъ только человѣкъ начинаетъ въ себѣ эту душу чувствовать, онъ начинаетъ сознавать и отвѣтственность за свою жизнь, отвѣтственность не предъ людьми, а предъ самымъ неподкупнымъ судомъ—Божіимъ и своей собственной совѣсти, которому все тайное открыто.

Жизнь человѣческая не случайность въ безконечной цѣпи явленій міра. Она дана не для того, чтобы, просуществовавъ краткое время, безслѣдно исчезнуть въ теченіи безконечно измѣняющихся явленій. Нѣтъ, разъ возникшая жизнь, прекращаясь тѣлесно, никогда уже болѣе не прекратится духовно, никогда уже не исчезнетъ отвѣтственность за все содѣянное человѣкомъ, и всегда—во все безконечное время, слѣдующее за кратковременной тѣлесной жизнью, будетъ ему сопутствовать два непрекращающіяся чувства—мученіе за совершенный грѣхъ и радость за содѣянное добро.

Это воззрѣніе на жизнь просто, но всетаки его нужно было привить къ уму человѣка. И въ томъ, что русское духовенство втеченіе 10 вѣковъ съумѣло совершить это великое дѣло,—въ

этомъ именно заключается его истинная и величайшая заслуга предъ русскимъ народомъ. Не въ тонкой догматикѣ, не въ философской возвышенности, не въ властвованіи надъ умами была и есть истинная сила нашего духовенства. Эта сила—въ его простотѣ и смиреніи, въ живомъ чувствѣ близости человѣка къ Богу, въ дѣятельномъ сознаніи, что Господь всегда посреди насъ, всегда радуется совершаемому нами добру, всегда скорбитъ о совершаемомъ нами злѣ. Русскій народъ много страдалъ: но среди него стоялъ священникъ—такой же страдалецъ, какъ и самъ онъ, и съ живой вѣрой указывалъ ему на крестъ—символъ величайшихъ страданій; съ непоколебимымъ убѣжденіемъ обѣщалъ онъ страдальцу, что, каковы бы ни были страданія, они смѣнятся безконечнымъ блаженствомъ, лишь бы были, по мѣрѣ силъ каждаго, исполнены заповѣди Божіи. И поэтому именно русскій народъ сдѣлался сильнымъ: онъ не боится смерти, онъ не боится бѣдности и страданія, онъ сохранилъ чуткую совѣсть, онъ непоколебимо вѣритъ, что добро лучше зла, онъ ясно сознаетъ, въ чемъ именно добро заключается; онъ—этотъ грубый, невѣжественный и бѣдный народъ—никогда еще не сомнѣвался, что духъ выше тѣла, что за все дурное—рано или поздно—придется дать отвѣтъ. И это счастіе жизни дало русскому народу его духовенство—столь же смиренное и бѣдное, какъ и самъ онъ.

II.

Но какимъ же образомъ могъ быть достигнутъ столь удивительный результатъ, если вспомнить, что наше духовенство въ общей своей совокупности никогда не отличалось ни особенной образованностью, ни какой-либо исключительной добродѣтелью, ни наконецъ, какой-либо особенною—внутренней или внѣшней—

властью надъ своею паствою? Конечно, оно всегда было немножко выше, образованнѣе и нравственнѣе своей паствы; но этой незначительною разницею нельзя объяснить того великаго дѣла, которое я имѣю смѣлость ему приписывать. Едва-ли я ошибусь въ объясненіи этого явленія, если скажу, что духовенство наше обязано вышеуказаннымъ вліяніемъ на народъ единственно тому обстоятельству, что оно, обладая духомъ живой, искренней и простой вѣры въ Бога и Его благость, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда жило среди народа, происходило изъ него и одновременно съ нимъ переживало всѣ его несчастія и бѣдствія. Къ величайшему счастію нашего народа, онъ воспринялъ грекоправославную церковь, всего вѣрнѣе выражающую духъ христіанскаго ученія въ томъ, что она совершенно чужда какихъ-бы то ни было искательствъ политической власти. Для истиннаго христіанина политическіе и соціальные вопросы имѣютъ значеніе второстепенное, вопросы же нравственные имѣютъ для него первостепенное значеніе. Совершенно естественно поэтому и согласно съ духомъ христіанства, что для служителей Церкви, блюдущей исключительно чистоту души своей паствы, нравственные вопросы имѣютъ значеніе также первостепенное, вопросовъ же политики и соціальной жизни они могутъ оставаться совершенно чуждыми. Церковь, заботящаяся о чистотѣ души, исходитъ изъ той безспорной и очевидной истины, что если она достигаетъ своей цѣли, т. е. если люди дѣлаются лучше, то и общественная, и политическая жизнь сама собой становится лучше. Поэтому-то духовенство наше всегда стояло въ сторонѣ отъ общественныхъ вопросовъ; поэтому-то и народъ привыкъ видѣть въ священникѣ не члена какой-либо общественной и политической партіи, а единственно лишь представителя Церкви, стоящей безмѣрно выше всѣхъ человѣческихъ страстей и заботящейся лишь объ одномъ—сдѣлать лучше и ближе къ Богу вся-

каго человѣка, къ какой бы партіи или сословію онъ ни принадлежалъ.

Духовенство наше съумѣло втеченіе своего многовѣковаго существованія остаться вѣрнымъ этому коренному принципу православія—невмѣшательству въ свѣтскія дѣла и стремленію возвысить человѣка нравственно. Это было первою причиною, вслѣдствіе которой народъ нашъ, сознавая вполнѣ пороки и недостатки своихъ пастырей, все-таки глубоко чтитъ ихъ, чтитъ за то, что они имѣютъ духъ живой вѣры въ добро, въ его конечное торжество надъ зломъ, что они умѣли этотъ духъ поддерживать и въ своей паствѣ. Всѣ понимаютъ—даже самые безвѣрные люди,—что величайшее счастіе жизни, — никогда не меркнущее, никогда не старѣющееся и ни съ чѣмъ несравнимое—это именно вѣра въ добро. До тѣхъ поръ, пока вѣра эта въ душѣ человѣка не погасаетъ, онъ живъ духовно, и какъ только вѣра эта его покидаетъ, человѣкъ духовно умираетъ. И потому-то народъ чтитъ духовенство, не смотря на его пороки, ибо оно умѣло давать ему самое важное и самое главное счастіе,—могъ-ли онъ не простить ему за это все прочее?

Вторая главная причина вліянія духовенства на народъ — это тѣснѣйшая близость обоихъ сословій. Наши пастыри произошли изъ народа и всегда были среди него, мало отличались отъ простолюдиновъ нравами и привычками жизни. Огромное значеніе въ этомъ отношеніи имѣлъ тотъ способъ обезпеченія духовенства, который выработался въ Россіи исторически: землею и доброхотнымъ даромъ прихожанина—земледѣльца или землевладѣльца—всегда жило наше духовенство, и потому ни одно сословіе въ Россіи не понимаетъ нуждъ и потребностей—и даже больше—самый духъ народа, какъ именно духовенство, которое, по всей справедливости должно бы считаться земледѣльческимъ сословіемъ по способу своего матеріальнаго обезпеченія. Свя-

щенникъ всегда жилъ отъ даровъ земли, земледѣльца и землевладѣльца. Всѣ сельско-хозяйственныя неудачи отражались на священникѣ и прямо, и косвенно: неурожай — и священникъ бѣденъ, потому что и съ своей земли онъ собралъ мало, и отъ прихожанъ скудно вознагражденъ; урожай — и священникъ не только сытъ со всѣмъ своимъ—обыкновенно многочисленнымъ—семействомъ, но и возможность имѣетъ что-нибудь отложить на старость. Какія бы бѣды ни переживало населеніе—онѣ всегда отражаются на священникѣ; злой или добрый помѣщикъ, дурной или хорошій начальникъ надъ крестьянами, пристойная жизнь или распущенность прихожанъ и т. п.—даже война и миръ столь чувствительные для сельскаго населенія (особенно въ прежнее время, когда только изъ него рекрутировались солдаты)—все это переживалъ и переживаетъ и священникъ — и переживаетъ онъ это не въ какомъ-нибудь абстрактномъ, идейномъ смыслѣ, а конкретно и реально. Вотъ почему русскій священникъ превосходно знаетъ и понимаетъ весь духовный и матеріальный строй народа—и въ этомъ именно лежитъ другая основная причина его огромнаго вліянія на народъ.

III.

Но уже съ давнихъ поръ начинаютъ появляться нѣкоторые признаки внутренняго упадка нашего духовенства. Всѣмъ извѣстно, что наше духовенство не осталось внѣ вліянія того могучаго умственнаго движенія, которымъ было охвачено русское общество въ началѣ 60-хъ годовъ и что, съ другой стороны духовенство, не смотря на свое чисто моральное призваніе, оставалось—а отчасти и остается—чуждымъ и равнодушнымъ къ тому исканію нравственной истины, которое такъ мучительно переживалось и переживается русскимъ обществомъ

ствеченіе послѣднихъ 30—40 лѣтъ. 60-е годы пронеслись надъ нами, какъ ураганъ. Характернѣйшая ихъ черта—матеріалистическое воззрѣніе на всѣ явленія міра тѣлеснаго и духовнаго. Душа — какъ самостоятельная нематеріальная субстанція—отвергнута, и признана «функуціей головного мозга»; міръ не только безконеченъ, но и безначаленъ—въ немъ ничего нѣтъ, кромѣ вещества и силы, кромѣ матеріи и движенія; все, что ни есть и какъ бы оно сложно намъ ни казалось—можетъ быть разложено на первичныя частицы матеріи, служащія лишь точками приложенія силы. Идея морали не высшаго происхожденія, а самаго низшаго,—она есть не что иное, какъ лишь здраво понятый эгоизмъ, который есть верховный и единственный двигатель жизни. Религія—съ ея вѣрой въ тайну творчества и въ откровеніе истины—сдѣлалась смѣшной; ея служитель считался умышленнымъ защитникомъ мрака, бессмысленныхъ предразсудковъ и мертвой ритуальности. Идея Бога—творца міра, зиждителя жизни и ея нравственныхъ принциповъ—не только оспаривается, но и объявляется прямо нелѣпой и противорѣчащей истинному знанію. Съ послѣднимъ движеніемъ сердца человѣка абсолютно прекращается его бытіе и всякая отвѣтственность за все содѣянное имъ.

Таково это ученіе, очаровавшее всѣ умы надеждою достигнуть всеобщаго счастія безъ Божіей помощи, но единственно лишь силою человѣческаго разума. Я не хочу здѣсь ни излагать этого ученія—оно всѣмъ извѣстно,—ни оспаривать его, такъ какъ оно опровергнуто самою жизнію: не только не достигнуто счастья—ни всеобщаго, ни индивидуальнаго, но потерянъ въ настоящее время первѣйшій элементъ счастья—душевный покой, и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствуется безсмысленность и скука жизни. Казалось бы, что это счастье должно наступить именно теперь, когда разумъ человѣческій дѣлаетъ не

только неслыханные, но прямо немыслимые прежде успѣхи! А между тѣмъ, никогда, кажется, еще не было такого паденія нравовъ, такой злобы и ненависти, такого всеобщаго взаимнаго недовѣрія, такой жажды грубѣйшихъ и самыхъ низменныхъ удовольствій, какъ именно теперь.

Для нашего духовенства страшно было не то, что духъ безвѣрія и преклоненія предъ матеріалистической философіей охватилъ все образованное общество; страшно было то, что этотъ духъ вползъ въ умы не малой части самого духовенства и оно само на себя стало смотрѣть, какъ на отжившее сословіе, держащееся только народнымъ невѣжествомъ: оно само стало стыдиться своей рясы, наконецъ,—само оно съ равнодушіемъ и сомнѣніемъ останавливалось предъ алтаремъ, предъ которымъ благоговѣйно священнодѣйствовало въ теченіе 20 вѣковъ, и преклонило свою маловѣрную главу предъ новымъ кумиромъ — матеріалистическимъ воззрѣніемъ на всѣ явленія міра. Вѣдь изъ среды самого духовенства вышли наиболѣе могучіе бойцы за господство этого воззрѣнія и за изгнаніе изъ умовъ духа вѣры. Всѣмъ памятно время, какъ пустѣли богословскіе классы семинарій, до какой степени наводнены были университеты и прочія свѣтскія учебныя заведенія семинаристами, а для священства и для духовныхъ академій оставались юноши менѣе даровитые и менѣе энергичные, и только внѣшнею властью остановлено было это движеніе, которое, вѣроятно, продолжалось бы и до-днесь. И все, что бросило рясу, сдѣлалось ея отъявленнымъ врагомъ, а все, что осталось въ рясѣ, почувствовало себя униженнымъ не только въ чужихъ, но и въ собственныхъ своихъ глазахъ. Наступилъ полный духовный маразмъ среди священнослужителей, и чѣмъ они были образованнѣе, тѣмъ этотъ маразмъ былъ сильнѣе; мало того, бывало и бываетъ теперь такъ, что чѣмъ нравственнѣе, чѣмъ честнѣе сознавало

себя духовное лицо, тѣмъ болѣе фальшивымъ оно чувствовало свое положеніе. Каковы-бы ни были прежнія униженія и несчастія духовенства, оно все-таки понимало и сознавало, что совершаетъ важнѣйшее дѣло въ человѣческой жизни, что оно владѣетъ ключами отъ дверей высшаго счастья человѣка—«жизни будущаго вѣка». А подъ вліяніемъ матеріалистической философіи оно пало духомъ и выронило изъ своихъ рукъ драгоцѣнный даръ, переданный ему прошедшими вѣками—вѣру въ исключительную важность своего призванія и въ чрезвычайную значительность совершаемыхъ имъ дѣйствій.

Ничто—никакія гоненія свѣтской власти, никакое презрѣніе образованнаго общества, даже непочтеніе собственной паствы—ничто не можетъ сравниться съ этой потерей вѣры въ свое призваніе и въ свое значеніе для жизни. И въ этомъ-то именно ужасномъ для духовенства явленіи—скажу болѣе—ужасномъ для всей Россіи—заключается, по моему мнѣнію, истинная причина упадка его вліянія на народъ.

IV.

И въ другомъ отношеніи отразилось на духовенствѣ ученіе матеріализма. Естественнымъ послѣдствіемъ философскаго матеріализма было возникновеніе въ Европѣ экономическаго матеріализма. Какъ въ области явленій индивидуальной жизни стремились все объяснить дѣйствіемъ безсмысленной силы на мертвую матерію, такъ и вся соціальная жизнь сводится на чисто матеріальныя побужденія и знаменитый нѣмецкій экономистъ, Карлъ Марксъ,—этотъ апостолъ экономическаго матеріализма, съ свойственной еврейскому уму категоричностью и рѣзкостью высказалъ принципъ, что «отъ способа производства матеріальной жизни находится въ полной зависимости ходъ общественной, политической и духовной жизни». Этотъ принципъ—нигдѣ

самимъ Марксомъ не обоснованный и никѣмъ изъ его послѣдователей не доказанный—тѣмъ не менѣе сдѣлался господствующимъ и руководящимъ началомъ при обсужденіи множества вопросовъ, между прочимъ, и вопроса объ упадкѣ вліянія духовенства. Начали говорить и, къ сожалѣнію, само духовенство этому, кажется, начинаетъ вѣрить, что будто бы для того, чтобы усилить его вліяніе на народъ, необходимо улучшить матеріальное положеніе духовенства и что будто бы всѣ его недостатки и даже пороки происходятъ отъ способа его матеріальнаго обезпеченія.

Я никогда не былъ врагомъ чьего бы то ни было благосостоянія, но за величайшую ложь считаю мысль, что добродѣтель обусловливается экономическимъ благосостояніемъ, а пороки бѣдностью. Ни одной страницы нѣтъ въ исторіи, на которой было бы сказано, что богатые классы были добродѣтельны, а бѣдные—порочны; напротивъ, исторія полна примѣровъ полнаго развращенія именно состоятельныхъ классовъ; примѣры эти столь общеизвѣстны, что нѣтъ надобности ихъ приводить, и я позволю себѣ привести одно лишь евангельское изрѣченіе, что «богатому труднѣе войти въ Царствіе Божіе, чѣмъ верблюду въ игольныя уши». Все ученіе Христа обращено именно къ бѣднымъ, обездоленнымъ, угнетеннымъ, и нигдѣ не сказано, да и не могло даже быть сказано, что они лишь тогда сдѣлаются добродѣтельными, когда разбогатѣютъ или когда они будутъ матеріально обезпечены. Эта теорія есть прямая ересь, которую могъ выдумать только грубый матеріалистическій духъ вѣка. Она противорѣчитъ всему духу ученія Христова, проникнутому мыслью о независимости души человѣка отъ матеріи и о превосходствѣ ея надъ тѣломъ, о ничтожности матеріальныхъ удовольствій, о ихъ внутренней малоцѣнности, о ихъ незначительности даже для земнаго счастія, и мы всѣ по личному опыту знаемъ, какъ мало

это счастіе въ дѣйствительности зависитъ отъ такъ называемаго «экономическаго обезпеченія». Какъ счастливъ и какъ силенъ тотъ бѣднякъ, въ которомъ есть живая вѣра въ Бога, который сохранилъ способность любить своего ближняго и который имѣетъ надежду на правосудіе Божіе! И какъ, напротивъ, несчастенъ тотъ богачъ, который всего этого лишенъ. Такова, мнѣ кажется должна быть церковная точка зрѣнія на значеніе для человѣка «экономическаго обезпеченія», и ужъ во всякомъ случаѣ—съ этой точки зрѣнія—можно быть твердо убѣжденнымъ, что добродѣтель отнюдь не зависитъ отъ этого «обезпеченія», равно какъ и порокъ не возникаетъ отъ его отсутствія. Исторія нашего духовенства вполнѣ и наглядно это подтверждаетъ. Всегда оно было бѣдно, всегда оно жило доброхотнымъ, неопредѣленнымъ и скуднымъ даромъ—и никогда оно отъ этого не теряло благотворнаго вліянія на свою паству. Именно, будучи въ скудости и даже прямой бѣдности, оно и воспитало духъ русскаго народа, помогло ему побороть безчисленныхъ враговъ и съ запада, и съ востока, и создать великое государство, а что всего важнѣе—сохранило въ немъ незлобивое сердце и здравое пониманіе жизни. Спрашивается, почему же теперь духовенство можетъ благотворно вліять на народъ лишь подъ условіемъ, что оно будетъ матеріально обезпечено? Почему прежній пастырь, возвратившись съ пашни или со скотнаго двора, могъ преподать своему прихожанину и поученіе, и утѣшеніе, и внушеніе, а теперь этому пастырю нужно для этого и комфортабельную обстановку, и полную независимость отъ прихожанина? Почему считается унизительнымъ тотъ способъ обезпеченія духовенства, который существовалъ 20 вѣковъ и былъ завѣщанъ самими апостолами?

Я не хочу быть ложно понятымъ и потому считаю необходимымъ пояснить, что вовсе не желаю оставлять духовенство въ

бѣдности, а тѣмъ болѣе въ нищетѣ. Нѣтъ, это было бы не только несправедливо, но и ненужно. Бѣлое духовенство имѣетъ тѣ же нужды и тѣ же заботы, какъ и мы, простые міряне; и ему столь же естественно заботиться—до извѣстныхъ, конечно, предѣловъ—о своемъ земномъ благополучіи, какъ и намъ, и не менѣе другихъ я готовъ пожелать ему этого благополучія. Я утверждаю лишь, что отъ матеріальнаго положенія духовенства совершенно не зависитъ его вліяніе на народъ: бѣдно оно или богато, оно одинаково будетъ вліятельно или невліятельно (въ церковномъ, разумѣется, смыслѣ), смотря по тому, какимъ оно духомъ будетъ одушевлено: если ему удастся возвратить себѣ вѣру въ исключительность и важность своего призванія учить народъ самымъ важнымъ и необходимымъ истинамъ, оно будетъ вліятельно и въ бѣдности; если же оно будетъ смотрѣть на себя лишь какъ на сословіе, предназначенное для выполненія церковной обрядности, если оно будетъ думать, что высшее руководительство жизнью принадлежитъ уже не ему, что изъ вѣка вѣковъ завѣщанныя истины устарѣли и должны померкнуть предъ солнцемъ матеріалистической философіи и что истины вѣры нуждаются въ «согласованіи» съ этой философіей,—то какъ бы духовенство ни было обезпечено, какъ бы благопріятно ни было его внѣшнее положеніе,—оно никогда не возвратитъ себѣ былого вліянія на народъ, и даже потеряетъ то, которое имѣетъ до сего времени, и, конечно, это будетъ для всего русскаго народа величайшимъ бѣдствіемъ.

Есть и еще очень опасная сторона въ этомъ вопросѣ объ обезпеченіи духовенства. Я уже сказалъ выше, что втеченіе всей нашей исторіи оно переживало вмѣстѣ съ народомъ и счастіе, и несчастіе, между прочимъ, и потому, что благосостояніе его находилось въ прямой зависимости отъ благосостоянія народа, что будучи въ массѣ своей сословіемъ сельско-хозяйственнымъ,

оно на самомъ себѣ выучилось понимать жизнь народа, конкретно и реально переживая его удачи и неудачи. Есть-ли надобность прерывать эту нормальную связь духовенства съ народомъ, и превращать первое въ сословіе, по способу своего матеріальнаго обезпеченія чуждое народной жизни, и образовывать новый разрядъ чиновниковъ, въ каковыхъ духовенство можетъ обратиться при наличности ослабленія той его внутренней силы, о которой было говорено выше? И не лучше ли, отказавшись отъ соблазнительной мысли обезпечить духовенство государственнымъ жалованьемъ, оставить его по прежнему сословіемъ сельско-хозяйственнымъ, облегчивъ его положеніе, напримѣръ, тѣмъ путемъ, которымъ облегчено недавно положеніе дворянства?

Не мнѣ, конечно, судить о тѣхъ способахъ, которыми можно поднять вѣру въ самомъ духовенствѣ; но если хотя въ малой мѣрѣ мои мнѣнія объ этомъ предметѣ правильны, то несомнѣнно, что это первѣйшій вопросъ не только для самого духовенства, но и для всего русскаго народа. Ибо, если дѣйствительно въ духовенствѣ ослабла вѣра, то ни о какомъ его морализующемъ вліяніи на народъ нельзя и помышлять. А что народъ нуждается въ подъемѣ духа, въ возвращеніи ему прежняго простого, яснаго и теплаго пониманія жизни—въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться. О темныхъ сторонахъ народной жизни, объ его апатіи, о развратѣ и пьянствѣ писалось столь много и столь справедливо, что мнѣ трудно къ этому что-нибудь прибавить. Я позволю себѣ напомнить лишь объ одномъ явленіи, которое указано было въ здѣшнемъ же собраніи [1]). Я имѣю въ виду прошлогодній докладъ [2]) о страшной и все возрастающей численности незаконнорожденныхъ. Не думаю, чтобы кто-нибудь обвинилъ

[1]) Читано было въ «Обществѣ религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви».

[2]) Священника А. А. Дернова.

меня въ преувеличеніи, если я назову это явленіе самымъ опаснѣйшимъ и самымъ тревожнымъ симптомомъ паденія народныхъ нравовъ, особенно если сопоставить его съ безспорными и единогласными свидѣтельствами врачей о чрезвычайномъ и также все увеличивающемся распространеніи сифилиса въ деревняхъ. Я не потому называю это явленіе тревожнымъ и опаснымъ, что оно подрываетъ здоровье населенія, даже не потому, что оно составляетъ блудъ, а потому, что оно совершается безъ всякаго стыда, что почти утрачено понятіе о грѣховности этого явленія, что оно не возбуждаетъ ни тревоги, ни страха за будущее въ той мѣрѣ, въ какой оно этого заслуживаетъ. Всякое общество, какъ бы оно низко ни пало, все еще можетъ считать себя не безнадежнымъ до тѣхъ поръ, пока здорова тѣломъ и душой женщина, такъ какъ въ ней лежитъ сила будущихъ поколѣній: незримо для всѣхъ, незамѣтно для себя и для ребенка она вливаетъ въ него цѣлый строй основныхъ понятій о Богѣ, жизни и природѣ и безъ преувеличенія можно сказать, что мы хороши или дурны по столько, по сколько хороши или дурны наши матери. Какъ высоко цѣнила прежде женщина свое цѣломудріе—какъ это было согласно съ требованіями христіанства, съ ея материнскимъ инстинктомъ, съ интересами всего народа и всего общества—матеріальными и нравственными! Теперь не то: женщина прежде всего теряетъ стыдъ, перестаетъ цѣнить свое цѣломудріе и начинаетъ смотрѣть на отношеніе къ мужчинамъ съ точки зрѣнія кратковременнаго полового удовольствія. И мужчина отвѣчаетъ ей тѣмъ же—и онъ началъ ее меньше цѣнить и уважать и также началъ смотрѣть на нее лишь какъ на предметъ удовольствія. И мать, и отецъ, случайно сошедшіеся и столь же случайно расходящіеся, безъ чувства отвѣтственности за свою связь, естественно, начинаютъ смотрѣть на дѣтей не какъ на благословеніе Божіе, не какъ на источникъ радости и чувства прав-

ственнаго удовлетворенія, а какъ на великое бремя, которое слѣдуетъ поскорѣе съ себя сбросить или всѣми способами сдѣлать его, въ ущербъ дѣтямъ, болѣе легкимъ и безотвѣтственнымъ. Неудивительно, что подростающее поколѣніе постепенно дичаетъ и становится все болѣе и болѣе лишеннымъ нравственныхъ принциповъ, живой любви къ какому бы то ни было идеалу — и не далекъ отъ насъ край той бездны, въ которую упала современная Франція — столь блестящая, столь образованная, столь даровитая нація и вмѣстѣ съ тѣмъ не находящая въ своей средѣ даже просто честныхъ людей.

Можно бы перечислить всѣ недостатки и пороки нашего народа и показать, что корень ихъ лежитъ въ одномъ — въ потерѣ народомъ чуткости къ религіозно-нравственному идеалу и въ упадкѣ его духа. Какая же великая задача лежитъ на духовенствѣ именно въ настоящее время, когда отъ подъема этого духа, отъ возбужденія въ народѣ прежняго простого, чистаго и радостнаго воззрѣнія на жизнь зависитъ все будущее Россіи! И невольно напрашивается вопросъ, выполнитъ-ли наше духовенство эту задачу, сослужитъ ли оно вновь своей родинѣ ту службу, которую оно столь смиренно и столь достойно несло въ теченіе 10 вѣковъ?

Мнѣ кажется, что въ клирѣ нашемъ еще живъ тотъ духъ, который оживляетъ и его, и весь народъ русскій, что временное затмѣніе умовъ, о которомъ говорено выше и которое такъ ослабило историческое значеніе духовенства, пройдетъ, такъ какъ во всемъ мірѣ чувствуется полная неудовлетворенность матеріалистической философіей и все возростающее убѣжденіе въ ея теоретической несостоятельности и практической неспособности ни разрѣшить вѣковѣчныя проблемы человѣческаго духа, ни устроить земное человѣческое счастіе. Мнѣ думается, что самое пониманіе этой истины и послѣдовательное примѣненіе

ея ко всѣмъ вопросамъ жизни могло бы показать духовенству, что оно не только не потерявшее своего значенія,—какъ учитъ современный раціонализмъ — сословіе, но, напротивъ, именно тотъ классъ общества, который, при искреннемъ и строгомъ отношеніи къ своему долгу, скорѣе всего можетъ вывести нашъ народъ изъ состоянія нравственной апатіи и придать его жизни то радостное и бодрое возбужденіе духа, которое, составляя само по себѣ счастіе, вмѣстѣ съ тѣмъ есть залогъ всякаго успѣха.

Цѣна 10 коп.

Того-же автора.

1) Краткій очеркъ земскихъ статистическихъ изслѣдованій. Казань, 1885 г.
2) Опытъ статистическаго изслѣдованія о дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ. С.-Петербургъ, 1887 г.
3) Изслѣдованіе Утянскаго ссудо-сберегательнаго товарищества. С.-Петербургъ, 1891 г.
4) Экономическій бытъ государственныхъ крестьянъ Курганскаго округа Тобольской губ. Томъ I-й. С.-Петербургъ, 1890 г.
   Томъ II-й. С.-Петербургъ, 1894 г.
   Томъ III-й. С.-Петербургъ, 1898 г.
5) Ритуалъ сибирской свадьбы. С.-Петербургъ. 1893 г.
6) Обзоръ дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ и проектъ организаціи сельскаго кредита. С.-Петербургъ. 1893 г.
7) Пособіе для устройства промышленныхъ (кустарныхъ) артелей съ проектомъ ихъ образцоваго устава и съ приложеніемъ утвержденныхъ уставовъ 22 артелей. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 1 руб.
8) Образцовый уставъ кредитныхъ товариществъ, утвержденный Министромъ Финансовъ 19-го іюня 1896 г., съ разъясненіями и приложеніемъ законоположеній, касающихся мелкаго кредита. С.-Петербургъ, 1897 г. Цѣна 80 коп.
9) De quelques questions se rattachant à l'Alcoolisme. Rapport au 7-e Congrés International contre l'abus des boissons alcooliques. Paris, 1899.
10) Винная монополія, ея основныя начала, организація и нѣкоторыя послѣдствія. С.-Петербургъ, 1899 г. Цѣна 1 р. 20 к.

Лица, выписывающія непосредственно отъ автора (Греческій проспектъ, д. № 25, кв. № 7) изданія, показанныя подъ №№ 7, 8 и 10 въ количествѣ не менѣе 5 экземпляровъ, пользуются уступкой въ 25%.

«Пособіе для устройства промышленныхъ (кустарныхъ) артелей» и «Образцовый уставъ кредитныхъ товариществъ» Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія допущены въ учительскія библіотеки сельскихъ школъ и въ безплатныя народныя библіотеки и читальни. Министерствомъ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ—въ библіотеки подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній; одобрены Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ, по отзыву коего «названныя книги заключаютъ хорошо подобранныя законодательныя свѣдѣнія объ артеляхъ и кредитныхъ товариществахъ, даютъ образцы уставовъ дѣйствующихъ артелей и снабжены ясными объясненіями».

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 29 февраля 1900 года. Старшій Цензоръ, Архимандритъ *Владиміръ*.

2007050131